

М.Ю. УРНОВ

Россия: виртуальные и реальные политические перспективы*

В российских политических, аналитических и научных публикациях и выступлениях будущее страны описывается, по преимуществу, в рамках *великодержавной парадигмы*. Между тем, эта парадигма выводит обсуждение перспектив России в мир сугубо виртуальных реальностей. Во второй части статьи (первую – см. “ОНС”, 2014, № 4) анализируются проблемы потенциала мягкой силы, ставящие ограничения на возможностях реализации великодержавных проектов.

Ключевые слова: Россия, великая держава, ресурсы, жесткая сила, мягкая сила.

In the second part of the article (see “ONS”, 2014, № 4) the problems of building soft power, which put restrictions on the possibilities of implementation great power projects are analyzed.

Keywords: Russia, a great power, resources, hard power, soft power.

Проблемы потенциала мягкой силы

Плохое здоровье населения. В рейтинге Bloomberg, одном из наиболее солидных международных рейтингов здоровья населения, Россия в 2012 г. находилась на 97 месте из 145 (между Тимором и Ираком), то есть была расположена ниже наиболее развитых стран (Япония – 5-е, Германия – 10-е, Франция – 13-е, Великобритания – 21-е, США – 33-е места), ниже Кубы (28), Турции (44), Китая (55), Ирана (76), ниже всех стран Восточной Европы, когда-то входивших в Совет экономической взаимопомощи и Варшавский договор (Чехия – 32, Польша – 40, Словакия – 49, Венгрия – 54, Румыния – 69, Болгария – 73) и ниже девяти из пятнадцати бывших республик СССР (Эстония – 57, Грузия – 71, Армения – 79, Латвия – 79, Литва – 81, Таджикистан – 84, Узбекистан – 85, Азербайджан – 87, Белоруссия – 91). Из бывших союзных республик ситуация хуже, чем в России, была только в таких странах, как Украина (99), Киргизия (101), Туркменистан (104) и Казахстан (111) [Bloomberg, 2012].

Некоторые характеристики состояния здоровья населения проясняют сложившееся положение. По данным Всемирного банка, в 2011 г. ожидаемая продолжительность жизни¹ в России равнялась 69 годам, то есть была на 10 лет ниже, чем в странах с высоким уровнем душевого дохода (79 лет, в том числе в США – 78 лет, в Европейском союзе – 80 лет), и на 5 лет ниже, чем в странах со средневысоким уровнем душевого

---

* Окончание. Начало см. “ОНС”. 2014. № 4. Работа подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ 2013.

¹ Показатель отражает вероятность наступления смерти по всевозможным причинам с учетом возрастной структуры населения.

Урнов Марк Юрьевич – доктор политических наук, профессор, научный руководитель факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики.

дохода (74 года, в том числе в Китае – 75 лет) [WB LEB]². Отставание России по ожидаемой продолжительности жизни обуславливается мощным воздействием на здоровье населения целого ряда тяжелых заболеваний. Показатель DALY (Disability Adjusted Life Year), оценивающий совокупное негативное влияние заболеваний на продолжительность жизни и длительность трудоспособного возраста, в России хуже (выше), чем в странах центральной Европы в 1,4 раза, в США и Западной Европе – в 1,7 раза, в Китае – 1,8 раза, в Японии – в 1,9 раз, и в среднем по миру – в 1,3 раза³.

По отдельным заболеваниям и факторам риска, провоцирующим заболевания, ситуация в России выглядит следующим образом. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), распространенность *туберкулеза* (2011 г.) у нас была в 6,9 раз выше, чем в странах с высокими душевыми доходами, в 1,7 раз выше, чем в среднем по миру; смертность от этого заболевания в 17,7 раз превышала показатель стран с высокими доходами, была на 14% выше, чем в среднем по миру. По распространенности *ВИЧ/СПИДа* (2009 г.) Россия в 3,4 раза опережала страны с высокими доходами и в 1,4 раза мир в целом. Смертность от *сердечнососудистых* заболеваний (2008 г.) в России была в 5 раз выше, чем в странах с высокими душевыми доходами, в 2,1 раз – чем в среднем по миру. Соответствующие показатели для смертности от *рака* составили 1,3 и 1,2 раза [WHS, 2012; 2013].

По распространенности потребления *тяжелых наркотиков (опиатов)* Россия во второй половине нулевых годов занимала третье место в мире, уступая только Афганистану и Азербайджану и опережая США в 2,5 раз, Великобританию в 1,8 раз, Францию в 2,9 раз и Китай в 5,6 раз [WDR, 2012]. Влияние потребления наркотиков на уровень показателя DALY в России в 2–3 раза выше, чем в США, Западной Европе, Японии и Китае (рассчитано по [INME, 2010]). Потребление *алкоголя* на душу населения в середине 2000-х гг. составляло в России 16 литров чистого спирта в год, то есть было в 2,7 раз выше, чем в Китае, и в 1,7 раз выше, чем в США, в 2 раза выше, чем в Японии и на 15–23% выше, чем во Франции и Германии. По потреблению крепких напитков на душу населения Россия опережает США, западноевропейские страны и Китай в 2,6–3 раза и Японию в 2 раза [GSRAN, 2011, р. 6, 272–277]. Влияние потребления алкоголя на показатель DALY, обуславливаемое, как отмечают специалисты ООН, не столько типом потребляемого алкоголя, сколько характером его потребления (*patterns of consumption*), в России был выше, чем во всех упомянутых странах в 5–8 раз (рассчитано по [ИНМЕ, 2010]). В результате в настоящее время в Россия “каждая пятая смерть среди мужчин и 6% смертей среди женщин обусловлено пагубным потреблением алкоголя” [GSRAN, 2011, р. 27].

О неблагоприятной динамике *психического здоровья* российского населения можно судить по росту официально регистрируемых первичных больных, страдающих психическими расстройствами. В 1993–2009 гг. число таких больных в России (в расчете на 100 тыс. населения) увеличилось в 1,8 раз – с 21 до 38 человек [Минсоцздрав, 2010, с. 26]. Еще одна характеристика неблагополучия в области психического здоровья населения России – высокий *уровень самоубийств*. По данным ОЭСР, на протяжении последних 30 лет Россия по этому показателю входит в четверку мировых лидеров (более 20 случаев на 100 тыс. населения в год)⁴. В 2010 г. число самоубийств в России (22,4 случая на 100 тыс. населения) было в 1,9 раз выше, чем в США, в 1,4 раза выше, чем во Франции, в 2,1 раза – чем в Германии, в 3,4 раза – чем в Великоб-

² В классификации Всемирного банка различаются четыре группы стран по величине валового национального дохода/GNI на душу населения (в долларах США): страны с высоким (*high*), средневысоким (*upper middle*), средненизким (*low middle*) и низким (*low*) уровнем дохода. Пересчет в доллары осуществляется по методу Atlas. В 2011 и 2012 гг. средний доход в *high income* группе составлял, соответственно, 37 и 38,2 тыс. долл.; в *upper middle* группе – 6,2 и 7 тыс.; в *lower middle* – 1,7 и 1,9 тыс., в *low* 0,6 и 0,7 тыс. В России в 2011 г. он был равен 10,8 тыс. долл., а в 2012 г. увеличился до 12,7 тыс. долл. [WB GNI]. В 2012 г. Россия была переведена из группы стран со средневысокими доходами в группу стран с высокими доходами.

³ Рассчитано по [ИНМЕ, 2010]. Методику расчета показателя DALY см. [DALY, 2011].

⁴ Наряду с Россией в эту группу входят Венгрия, Южная Корея и Япония.

ритании, и примерно равнялось числу самоубийств в Японии [OECD Factbook, 2013, р. 236–237]. По самоубийствам среди молодежи разрыв между Россией и этими странами был еще большим. Согласно ВОЗ, в середине 2000-х гг. по уровню самоубийств в возрастной когорте 15–24 года Россия превосходила США в 2,6 раза, Францию и Германию – в 4 раза, Великобританию в 5 раз и Японию в 1,7 раза [SP WHO 2013].

В 2000-е гг. в России наблюдался резкий рост затрат на здравоохранение. В 2000–2011 гг. суммарные расходы здесь в расчете на душу населения увеличились в 8,4 раза против 3,7 раз в среднем по странам со средневысокими душевыми доходами и 2,1 раз в странах с высокими душевыми доходами. В результате в 2011 г. они составили 807 долларов, то есть стали в 1,9 раза выше, чем в странах со средневысокими доходами, и достигли 18% от соответствующих расходов в странах с высокими душевыми доходами (против 4% в 2000 г.) [WBS-H]. Между тем эффективность данных затрат на здравоохранение оказалась крайне низкой.

Таблица 2

Некоторые показатели динамики здоровья населения России

	2000 г.	2011 г.
Расходы на здравоохранение (в год на душу населения в долларах США)¹⁾		
Россия	96	807
Страны со средневысокими душевыми доходами	114	418
Страны с высокими душевыми доходами	2233	4607
Ожидаемая продолжительность жизни (в годах)¹⁾		
Россия	65	69
Страны со средневысокими душевыми доходами	71	74
Страны с высокими душевыми доходами	76	79
Туберкулез (распространенность в расчете на 100 тыс. населения)²⁾		
Россия	192	124
Россия/страны со средневысокими душевыми доходами	1,2	1,2
Россия/страны с высокими душевыми доходами	6,9	6,9
ВИЧ/СПИД (распространенность в расчете на 100 тыс. населения)²⁾		
Россия**	163	696*
Россия/страны со средневысокими душевыми доходами	0,2	0,8*
Россия/страны с высокими душевыми доходами	1,0	3,4*
Самоубийства (в расчете на 100 тыс. соответствующей возрастной группы)		
Россия (население в целом) ³⁾	37,8	24,7*
Россия (молодежь: 15–19 лет) ⁴⁾	35,7	31,4*

Примечания:

* 2008 г.

** По данным [Минсоцздрав, 2010, с. 8], число больных с впервые установленным диагнозом ВИЧ-инфекции в РФ в расчете на 100 тыс. населения составляло: в 1999 – 13,5, в 2000 – 38,4, в 2008 – 41,3 и в 2009 – 43,9.

Источники: 1) [WB S-H]; 2) [WHS 2012; 2013]. 3) [HFA-DB, 2013]; 4) [Альбицкий...].

Как видно из таблицы 2, разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между Россией и другими странами практически не изменился; распространенность туберкулеза, хотя и снизилась, но продолжала практически в 1,6 раза опережать показатели богатых стран; распространенность ВИЧ/СПИД резко увеличилась в абсолютном и относительном выражении, а уровень самоубийств среди молодежи в течение

2000–2008 гг. стал заметно выше среднего по всем возрастным когортам⁵. Следует при этом иметь в виду, что тенденция опережения уровня самоубийств среди молодого поколения по сравнению со всем населением России не является специфической чертой первого десятилетия нынешнего века, а наметилась по меньшей мере с 1980 г. [Альбицкий... HEA-DB, 2013].

Субъективные оценки здоровья россиян явно хуже оценок жителей Западной Европы. Согласно ESS, в 2006–2010 гг. в России на каждого опрошенного, заявлявшего, что состояние его здоровья “очень плохое” или “плохое”, приходилось два респондента, характеризовавших свое здоровье как “хорошее” или “очень хорошее”. В среднем по 14 странам Западной Европы⁶ соотношение таких ответов было равно 1:10 [ESS].

Низкая эффективность инвестиций в российское здравоохранение в 2000–2011 гг. обусловлена целым рядом обстоятельств. Во-первых, по вполне понятным причинам инвестиции, если и улучшают качество медицинского обслуживания, то отнюдь не прямо пропорционально объему и темпам их увеличения. Во-вторых, эффективность инвестиций зависит не только от объема, но и от их структуры (тема, требующая специального исследования). В-третьих, качественно улучшить состояние здоровья нашего населения одними инвестициями в здравоохранение невозможно. Заболевания, по которым Россия в настоящее время занимает лидирующие позиции в мире (туберкулез, сердечнососудистые заболевания, алкоголизм, наркомания, психические расстройства, рак), во многом провоцируются распространенностью в обществе негативных эмоций⁷ и патогенных стереотипов поведения⁸. Это означает, что для решения проблемы требуется не только качественно иной уровень медицинского обслуживания, но качественные изменения эмоциональной атмосферы общества, ценностных ориентаций и образа жизни населения. А такие изменения, как и любые культурные изменения, являются изменениями поколенного типа, то есть если совершаются, то медленно: становятся глубокими и необратимыми при наличии выраженного тренда, продолжающегося не менее 40 лет (минимальный период активной жизни двух поколений). Кроме того, они не происходят сами собой, а требуют огромных инвестиций в социальную сферу⁹, к которым наш государственный бюджет пока необходимой “склонности” не проявляет и, похоже, не будет на них способен в ближайшие годы.

В завершение разговора о состоянии здоровья населения отмечу, что для его поддержания на уровне, сходном с ведущими странами мира, даже в “идеальных” условиях (структура расходов на здравоохранение оптимальна, коррупция минимальна, негативное влияние культурных факторов находится на уровне стран с высокими

---

⁵ Наблюдавшееся в эти годы снижение уровня самоубийств в среднем по всем возрастным группам населения России, возможно, носит циклический характер. В 1980–2010 гг. долгосрочные составляющие изменений уровня самоубийств в разных странах были различными: снижение в “старых” странах ЕС (с 12 до 9 случаев), стабильность в США (12 случаев), рост в Японии (с 18 до 24 случаев). В нашей стране в рассматриваемый период трендовая компонента этого показателя была очень близкой к ЕС, но в отличие от ЕС сам он испытывал резкие колебания вокруг тренда. Наиболее мощное снижение наблюдалось в 1994–2010 гг.: с 42 до 22 случаев (данные по ЕС и России см. [HFA-DB, 2013], по США [USCDC, 2012], по Японии [SP WHO, 2013]).

⁶ Это Бельгия, Великобритания, Германия, Голландия, Дания, Ирландия, Исландия, Испания, Кипр, Норвегия, Португалия, Финляндия, Швейцария, Швеция.

⁷ Агрессивность, недоверие к окружающему миру, безысходность, страхи, тревожность, подавленность, униженность, беспомощность и пр. – об эмоциональном фоне, благоприятствующем распространению упомянутых заболеваний, см., например, [Малкина-Пых, 2008; Levinson, 2007; Philbrick... 2012]. О росте агрессивности в российском обществе в 1981–2011 гг. см. интервью А. Юревича в “Российской газете” об исследовании Института психологии РАН (10 декабря 2013 г.).

⁸ Низкая физическая активность, табакокурение, неправильное/некачественное питание и т.д. Негативное влияние этих факторов на показатель DALY в России превышало их влияние в странах с высокими душевыми доходами в 1,5 раза, а влияние низкокачественного питания – в 2 раза [ИМЭ, 2010].

⁹ Анализ состояния социальной сферы сегодняшней России не является предметом данной статьи. Однако одну характеристику состояния этой области не могу не привести. По данным Европейского бюро ВОЗ, в 2000–2010 гг. доля городского населения России, имеющего современные канализационные системы, снизилась с 77 до 74%, а в странах ЕС возросла с 99 до 100% [HFA-DB, 2013].

душевыми доходами) нужны затраты на здравоохранение, соответствующие затратам в этих странах. Однако при нынешнем соотношении ВВП на душу населения между Россией и данной группой стран это невозможно. Описанный выше рост совокупных расходов на здравоохранение в России в 2000–2011 гг. обеспечил увеличение их доли в ВВП России с 5,4 до 6,2%, что соответствовало уровню и динамике, характерным для стран со средневысокими доходами (рост с 5,6 до 6,1%), но было значительно ниже, чем в странах с высокими доходами (рост с 10 до 12%).

Между тем, для того, чтобы по величине душевых затрат на здравоохранение Россия в 2011 г. сравнялась с богатыми странами, доля этих расходов в ВВП России 2011 г. должна была бы равняться 35%, то есть в три раза превышать соответствующий показатель богатых, что невозможно. Если бы (крайне маловероятное предположение) доля расходов на здравоохранения в российском ВВП в 2011 г. удвоилась и стала равной 12%, то есть сравнялась бы с соответствующим показателем богатых стран, то наши душевые расходы составили бы только треть от величины их душевых расходов в этой сфере. С учетом того, что в обозримой перспективе соотношение ВВП между Россией и богатыми странами вряд ли значительно изменится в лучшую сторону, ожидать, что наши душевые расходы на здравоохранение смогут скольконибудь существенно превысить достигнутый к настоящему моменту уровень (18%), вряд ли стоит. Иными словами, в ближайшие десятилетия состояние здоровья российского населения будет качественно хуже, чем в богатых странах. А это означает невозможность обеспечения одного из ключевых условий соответствия потенциала мягкой силы страны уровню ведущих стран мира.

Низкое качество политической элиты. Как отмечал еще Г. Моска, политическая элита (или, в его терминологии, “правящее меньшинство”) отличается от массы управляемых тем, что ее представители, как правило, обладают “очень высоко ценными и значимыми” в обществе качествами, которые обеспечивают элите “вполне определенное материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство” [Mosca, 1939, p. 53]. Более или менее очевидно, что наличие политической элиты, интеллектуальный и моральный уровень которой значимо превосходит усредненные показатели “по обществу в целом”, – одно из ключевых условий нормального развития общества. Что касается современной России, то здесь заметный разрыв между политической элитой и большинством общества со всей очевидностью просматривается *лишь в сфере материальных ресурсов.*

По интеллектуальному уровню различия между элитой и неэлитой крайне малы, а порой и вообще незаметны. Некоторое представление о сложившейся ситуации дают результаты недавнего исследования В. Касамары и А. Сорокиной, в котором с помощью глубинных интервью выявлялись представления депутатов Государственной думы и московских бездомных о сегодняшней России и о том, “какой будет Россия через 10–15 лет”. Исследование обнаружило, что рассматриваемые группы схожи не только по целому ряду базовых содержательных оценок (пафос великодержавности и национальной исключительности; мечта о жестком, но справедливом “отце нации”; ощущение враждебности внешнего окружения; отсутствие интереса к глобальным проблемам/концентрация исключительно на проблемах своей страны и пр.), но и по стилистике высказываний (преобладание мифологем и метафор над рациональными суждениями; эмоциональная полярность высказываний – склонность либо к предельно позитивным, либо к предельно негативным позициям; очень близкий словарный запас). Как пишут авторы исследования, “схожесть речевых оборотов, словаря и эмоциональной окраски высказываний зачастую приводила к тому, что при сопоставлении ответов депутатов и бездомных было невозможно угадать, представителю какой из исследуемых групп принадлежит то или иное высказывание” [Касамара, Сорокина, 2011, с. 183].

Это, разумеется, не означает, что на верхних этажах политической пирамиды страны совсем отсутствуют люди, положительным образом выделяющиеся в интеллектуальном отношении на общем фоне. Они, конечно же, есть, и некоторых из них

мне повезло знать лично. Не исключено также, что Государственная дума несколько беднее на таких людей, чем другие институты и ветви власти. Дело, однако, не в том, есть они или нет, а в том, что их присутствие не меняет негативных групповых характеристик российской политической элиты: не в состоянии эффективно препятствовать принятию, мягко говоря, странных законов, нарушению избирательного законодательства, коррупции, ограничению свободы СМИ, деградации судебной системы, огрублению политического стиля, ухудшению отношения к России со стороны политиков и населения бывших республик СССР и ведущих западных стран и пр.

Моральный авторитет российской политической элиты в настоящее время довольно низок – во всяком случае, существенно ниже, чем в большинстве ведущих стран мира. Об этом можно, в частности, судить по результатам межстрановых исследований доверия к власти и ее коррумпированности. Рассчитанный по методике Edelman Trust Barometer, индекс доверия к институтам государственной власти в России в 2011 и 2013 гг. равнялся, соответственно, 29 и 23 пунктам из 100 возможных и был в 1,7 раз ниже, чем в среднем по всем охваченным исследованием странам [Edelman, 2013]. Согласно ESS, в 2012 г. доля российских респондентов, в той или иной мере доверяющих парламенту, составляла 18% против 32% в среднем по 23 включенным в исследование странам. Соответствующие показатели доверия судебной системе были равны 20 и 44%, а полиции – 19 и 59% [ESS]. По данным Transparency International, в 2013 г. индекс восприятия коррупции в России был равен 28 против 29 в Гватемале и Того, 71 во Франции, 73 в США, 76 в Великобритании и 78 в Германии [CPI, 2013]¹⁰. В моем исследовании (середина 2000-х гг.) установлено, что 72% российских респондентов считали: “большинство чиновников в России – это воры” [Урнов, 2005, с. 62]. В более развернутом вопросе Левада-Центра – “Кто больше всего ворует в России?” удельный вес ответивших “чиновники” составил 33%, то есть был в 1,4 раза выше, чем удельный вес заявивших “бизнесмены, олигархи” [Левада, 2006].

Утверждать в такой ситуации, что сегодняшняя Россия располагает качественной политической элитой было бы избыточно оптимистично. Говоря о перспективах, надо иметь в виду, что качественное обновление любой элиты, в том числе, разумеется, и политической – процесс крайне сложный и медленный (поколенный). К тому же в России процесс формирования политической элиты отягощен целым рядом негативных обстоятельств. Во-первых, нынешнее российское общество значительно более ценностно однородно, чем общества ведущих демократических стран мира и большинства бывших социалистических стран Европы [Урнов, Соболев, Соболева, 2011, с. 32–33].

Это означает, что Россия, говоря экономическим языком, страдает *большим по сравнению с этими странами “дефицитом предложения” качественных кандидатов в элиту*. А выбирать приходится из имеющегося. Неудивительно поэтому, что люди, пополняющие наше “правящее меньшинство”, зачастую отличаются от “управляемого большинства” не столько более высокой общей культурой, образованием и нравственностью, сколько “испорченностью” доступом к материальным ресурсам. Во-вторых, дефицит предложения усиливается *повышенным спросом на элиту, порождаемым гигантской территорией страны*. В-третьих, в настоящее время основной принцип отбора в политическую элиту – препятствующие становлению меритократии, но освященные культурной традицией клиентелизм и клановость¹¹. Сказанное, разумеется, не отрицает возможности постепенного улучшения

---

¹⁰ Индекс изменяется в интервале от 0 (максимальная коррупция) до 100 (практическое отсутствие коррупции). Такой же, как у России, индекс имели Азербайджан, Коморские острова, Гамбия, Ливан, Мадагаскар, Мали, Никарагуа и Пакистан. Полученные в другом исследовании Transparency International оценки коррумпированности отдельных государственных структур России – парламента, судов, госучреждений, полиции и армии – также были значимо хуже показателей США, Великобритании, Германии, Франции и средних показателей по 107 обследованным странам [GCB, 2013, p. 35–36].

¹¹ О клановом механизме в формировании российской политической элиты см., например, [Крыштановская, 2005].

качества нашей политической элиты, но не позволяет надеяться, что в обозримой перспективе оно улучшится радикально.

Низкая эффективность экономики. Большинство описанных выше проблем могло бы быть несколько менее острыми, если бы российская экономика была более эффективной и направляла на смягчение этих проблем больший объем средств. Однако качество современной российской экономики оставляет желать лучшего.

Начнем с *производительности труда*. По данным ОЭСР, в 2000–2012 гг. она росла в России несколько быстрее, чем в ведущих странах мира. Если в 2000 г. ВВП России в расчете на один час рабочего времени составлял 22% от уровня США, 23% от уровня Германии, 26% от уровня Великобритании и 32% от уровня Японии, то в 2012 г. соответствующие показатели были равны 28, 32 и 37 и 43% (в постоянных долларах США, по паритету покупательной способности [OECD StatExtracts]). Важно, однако, иметь в виду, что *отмеченный рост производительности был вызван не столько позитивными изменениями российской экономики, сколько высокими мировыми ценами на энергоносители*. Между тем, как было отмечено выше, конъюнктура этих рынков в долгосрочной перспективе складывается отнюдь не в нашу пользу. Что же касается ключевых характеристик российского хозяйства, напрямую ответственных за рост производительности труда, то они его скорее тормозят, чем стимулируют.

Один из ключевых факторов, тормозящих экономический рост и модернизацию страны, – *дефицит квалифицированных кадров*. Согласно данным Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), для *крупных российских корпораций* эта проблема находилась в списке главных по меньшей мере с середины 2000-х гг., а в 2012 г. по частоте упоминаний (44%) вышла на первое место, оставив позади “избыточно высокие налоги” (33%) и “коррупцию в органах власти” (31%) [РСПП, 2013, с. 22]. В опубликованном в 2014 г. опросе PricewaterhouseCoopers, проведенном среди руководителей крупнейших компаний России, проблема “наличия квалифицированных кадров” также заняла первое место среди “потенциальных экономических и политических угроз перспективам роста вашей организации”, но при почти вдвое большей, чем у РСПП, частоте упоминаний (85%) [PwC, 2014, с. 17]. У представителей *малого бизнеса* нехватка квалифицированных кадров также занимает первое место среди проблем, препятствующих росту компаний: в 2011 г. ее упоминали 56%, а в 2012 г. – 68% опрошенных предпринимателей [ОПОРА, 2012]. При этом и в крупном, и в малом бизнесе речь идет о квалифицированных кадрах всех профессий – рабочих, инженерах, специалистах с высшим образованием и управленцах низшего, среднего и высшего звена.

По данным НИУ–ВШЭ, среди 13 факторов, препятствующих технологическим инновациям в добывающей и обрабатывающей промышленности России, недостаток квалифицированных кадров и высокий экономический риск были единственными факторами, негативное влияние которых в 1993–2011 гг. устойчиво возрастало. В областях деятельности, “связанных с использованием вычислительной техники и информационных технологий”, недостаток квалифицированных кадров также входил в число усиливающихся препятствий технологическим инновациям [Индикаторы инновационной... 2013, с. 51, 52].

Проблема дефицита кадров существует и в российской науке. Речь идет о потерях, связанных и с уходом ученых из сферы научных исследований в более доходные виды деятельности, и с недостаточной притягательностью науки для молодого поколения (опять-таки из-за ее относительно низкой доходности), и с эмиграцией ученых. Оценка двух первых обстоятельств я не обнаружил. Что же касается эмиграции, то здесь, судя по недавно опубликованному исследованию С. Рязанцева и Е. Письменной, дела обстоят следующим образом.

Согласно официальной российской статистике, в 2002–2010 гг. из России уехали 304 тыс. человек с высшим образованием, в том числе 445 кандидатов и 220 докторов наук. Однако сопоставление этих данных со статистикой принимающих стран говорит о том, что отечественные цифры существенно занижены.

По расчетам Минобрнауки, с отъездом одного ученого Россия теряет в среднем 300 тыс. долларов. Особенно широко утечка умов происходит из областей науки, обладающих наибольшим инновационным потенциалом. По оценкам Национального научного фонда США, с момента распада СССР из России выехало около 70–80% математиков и примерно половина физиков-теоретиков – специалистов мирового уровня. Каждая третья разработка корпорации “Майкрософт” приходится на программистов – выходцев из России. Основные причины эмиграции – низкая оплата труда, плохая материальная и технологическая база исследований.

Эмиграционный потенциал среди ученых и высококвалифицированных специалистов в России очень высок. Желание уехать отсутствует только у 30% ученых. Такие проекты, как “Сколково”, “Роснано”, и мегагранты для выдающихся зарубежных ученых российского происхождения стимулируют не столько возвращение ученых, сколько их отъезд, ибо создают ситуацию, при которой сегодня лучше эмигрировать из России, а потом быть в нее приглашенным из другой страны в качестве выдающегося ученого [Рязанцев, Письменная, 2013, с. 27, 29, 31, 34].

Низкая эффективность НИОКР. При всей сложности межстрановых сопоставлений эффективности НИОКР, некоторые показатели все же могут дать – пусть и грубое – представление о положении дел в этой области. Приведу лишь два таких показателя. По данным Всемирного банка, в 2005–2007 гг. количество заявок на получение патентов, поданных резидентами страны в расчете на 100 исследователей, занятых в сфере НИОКР, составляло: в России – 6, в США – 17 и в Европейском союзе – 20. Стоимость экспорта высокотехнологичной продукции в расчете на один доллар затрат на НИОКР в этот же период равнялась: в России – 0,3 долл., в США – 0,6 долл. и в Европейском союзе – 1,6 долл. Иначе говоря, по обоим показателям Россия отставала от США и Западной Европы в 2–5 раз¹². Сокращение этого разрыва в условиях утечки умов и “не совсем молодого” возраста наших научных работников¹³ – проблема, в лучшем случае предельно сложная, а в худшем – не имеющая решения.

Изношенность основных фондов. Как утверждает официальный орган Правительства РФ “Российская газета”, Россия «находится в десятке стран – мировых “лидеров” по уровню износа основных производственных фондов» [Чичкин, 2011]. На каком именно из этих десяти мест она находится, сказать, по-видимому, невозможно из-за разброса оценок данного показателя. По данным Росстата, в 1990–2012 гг. уровень износа основных фондов вырос в 1,3 раза и в 2012 г. составил 48% [Росстат ОФ]. Федеральные ведомства нынешний уровень износа оценивают выше (45–65%), исследовательские центры – еще выше (60–65%) [Чичкин, 2011]. Самую высокую оценку дал бывший директор НИИ статистики Росстат В. Симчера – 75% [Симчера, 2011].

Это означает, что при нынешних масштабах и качестве капиталовложений обеспечить массовую модернизацию основных фондов России и доведение их – хотя бы примерно – до уровня технологически передовых стран практически невозможно. Внутренних ресурсов не хватает – необходимо широкомасштабное привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Однако рассчитывать на это не стоит. Привлекательность России для иностранных инвесторов невысока. По индексу Doing Business Россия в 2005–2010 гг. перешла с 97 на 124 место, тогда как наиболее развитые экономики мира (США, Великобритания, Германия, Япония, Франция) не опускались ниже 47 места (Франция в 2005 г.). На этом фоне доля прямых инвестиций в общем объеме

---

¹² Рассчитано по [WB S&T]. Разумеется, на оба показателя влияет не только качество исследований и разработок, но и их структура, в частности соотношение открытий, изобретений и высокотехнологичной продукции гражданского и военного назначения. Последние далеко не всегда регистрируются в международных патентных бюро или предлагаются на мировом рынке. Однако с точки зрения влияния НИОКР на гражданскую экономику это не важно: изоляция результатов исследований и разработок от гражданской экономики тождественна их низкой гражданской составляющей.

¹³ В 2000–2011 гг. средний возраст работавших в науке исследователей был равен 48–49 годам, средний возраст кандидатов наук – 52–53 года. Средний возраст докторов наук за этот период вырос с 59 до 62 лет [Индикаторы науки, 2013, с. 47].

иностранных инвестиций в Россию снизилась с 40% в 2000 г. до 24% в 2005 г. и 12% в 2010 г. [Российский... 2012, с. 660].

Наблюдавшееся в 2010–2013 гг. улучшение положения России (переход с 124 на 92 место) сколько-нибудь положительно на динамике ПИИ не сказалось: их удельный вес в общем объеме иностранных инвестиций оставался в эти годы на уровне 10–12% [Российский... 2013, с. 587]. Удельный вес ПИИ в ВВП страны, выросший в 2000–2007 гг. с 1,7% до 2,1%, начал затем устойчиво сокращаться и в 2012 г. стал равен 0,9% [Российский... 2012, с. 660; Российский... 2013, с. 587]. При этом эффективность приходящих в Россию ПИИ в качестве инструмента привлечения новых технологий и ноу-хау крайне низка [Нарышкина, 2013].

Впрочем, даже если бы в настоящее время Россия мгновенно превратилась в страну, суперпритягательную для прямых инвестиций со стороны наиболее “продвинутых” международных корпораций, то и тогда на достижение технологического уровня ведущих стран мира у нас ушло бы очень много времени. Чтобы оценить степень сложности и возможную продолжительность решения этой задачи, имеет смысл вспомнить опыт ГДР. Преодоление технологической отсталости Восточной Германии, с куда меньшей по масштабам и значительно менее отсталой экономикой, начатое в несравнимо более благоприятных культурных и технологических условиях и проходившее при целенаправленной и интенсивной помощи со стороны ФРГ, заняло примерно 15–20 лет. Это означает, что в России – даже в идеальном случае – на достижение успеха, аналогичного восточногерманскому, ушло бы не менее трех–четырёх десятилетий. Между тем “идеальный случай” для нас исключен. Среди ведущих стран мира у России нет “брата”, который считал бы своим моральным долгом помочь ей стать экономически передовой державой. Так что в пределах ближайшего полувека рассчитывать на то, что российская экономика по производительности труда и уровню технологической оснащенности сможет войти в число мировых лидеров, не следует.

* * *

Список проблем, с которыми сталкивается ресурсный потенциал России, можно было бы продолжить. Но и приведенных выше, как мне кажется, достаточно для понимания того, что в обозримой перспективе Россия не сможет обеспечить себе положение ни великой, ни даже одной из ведущих держав мира.

Означает ли это глобальную или национальную катастрофу, как утверждают А. Дугин или А. Проханов? Полагаю, что нет. Мировая система, да и сама Россия, относительно легко – во всяком случае, без морей крови, мировых и гражданских войн и иных апокалиптических потрясений, к которым столь склонно человечество в годы хаоса, – пережили распад супердержавы, называвшейся СССР. Если перспектива отсутствия России в клубе мировых лидеров и способна негативно повлиять на состояние мировой системы в целом и Российской Федерации в частности, то влияние это будет, мягко говоря, несколько менее заметным, чем исчезновение Советского Союза или происходящее в настоящее время изменение баланса демографических, военных, экономических и культурных потенциалов между Евро-Атлантикой и Южной и Восточной Азией.

Иначе говоря, предлагаемая нашими идеологами великодержавности альтернатива – *величие (лидерство) versus катастрофа (глобальная, региональная или, как минимум, национальная)* – принадлежит миру сугубо виртуальных явлений. Психологическая причина, по которой эта альтернатива удерживается в сознании многих российских политиков, вполне понятна. На протяжении примерно пятидесяти лет предствление о России как о великой державе было одним из ключевых элементов российской национальной идентичности. Так что не только отказ от такого взгляда на себя, но и сомнение в нем эмоционально крайне болезненно и кажется политически разрушительным. Между тем привычка/культурная традиция воспринимать себя тем или иным образом – отнюдь не гарантия адекватности подобного восприятия. Взгляды,

в какой-то мере позволительные для общественного мнения (“Россия во все времена великая – такая у нее судьба”, “Россия всегда была великой державой, ею и останется”, “Россия всегда великая держава, это неизменно” и т.п.), обычно, в “...времена”, разделяемые примерно 7% россиян [ФОМ, 2008], для политической элиты вряд ли допустимы.

Впрочем, у некоторых представителей нашего политического истеблишмента приверженность сформулированному по канонам классической трагедии видению российской исторической перспективы – все или ничего, величие или катастрофа – обусловлена еще и чисто прагматическими соображениями. Несомненный нравственный и эстетический магнетизм рассматриваемой трагической парадигмы создает неплохую основу для лоббистской активности вокруг расходных статей государственного бюджета. Что же касается реального будущего страны, то в перспективе до середины нынешнего века ее динамика в мировой системе представляется мне движением вниз по описанной в начале статьи “международной” шкале – утрата статуса великой державы с последующим закреплением на одной из следующих позиций:

– региональная держава, сохраняющаяся в нынешних границах и достаточно комфортная для жизни своих граждан (*наилучший вариант*);

– малая по степени влияния в регионе (обычная) страна, существующая в нынешних границах или *de facto* утратившая контроль над относительно небольшой частью территории (*промежуточный вариант*);

– страна с неопределенным статусом (*emerging state*), пережившая/переживающая *de jure* или *de facto* территориальный распад (*наихудший вариант*).

Перспектива *утраты статуса великой державы* обусловлена отнюдь не ситуацией последних 10–20 лет, а устойчивой долгосрочной тенденцией отставания ресурсного потенциала России от ведущих держав мира. Неплохим индикатором осмысления этого процесса может служить наблюдающиеся с середины 1950-х гг. (точнее – со смерти И. Сталина) нарастание сдержанности официальных взглядов на содержание ролей и функций СССР/России в качестве великой державы. В предельно сжатой (а потому неизбежно огрубленной) форме динамика этих взглядов может быть описана следующим образом.

Сталинский период. Созданное общество считается образцом *для всех народов и всех времен*¹⁴. Страна представляется *самой* сильной в военном отношении державой; делается ставка на *прямое военное столкновение с Западом*¹⁵ и силовое распространение своего влияния во всем мире, прежде всего в Европе.

Хрущевский период. Претензия на то, что советское общество – идеал на все времена – исчезает. Оно начинает рассматриваться как самое передовое по организации экономики и самое гуманное *среди обществ, существующих в настоящее время*. Говорится о скором построении коммунизма (“партия торжественно обещает, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме”). Страна, по крайней мере в публичных оценках, считается *столь же сильной*, как США. Однако ориентация на прямое военное столкновение с Западом постепенно исчезает и заменяется установкой

---

¹⁴ В 1947 г. один из известнейших советских писателей Л. Леонов писал: “[Это] высшая степень патриотизма, который существует пока в одной нашей стране, но светит далеко за ее пределы. Это патриотизм не только для себя, но и для других... это патриотизм мудрости и старшинства: мы живем здесь, но наша родня раскидана всюду – по горизонталям пространства и вертикалям времени” (цит. по [Скорино, 1979, с. 271]).

¹⁵ В проекте директивы ЦК ВКП (б) “О текущих задачах пропаганды” (май 1941 г.) говорилось: “Ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма. До поры до времени СССР не мог приступить к таким действиям ввиду военной слабости. Но теперь эта военная слабость отошла в прошлое” [Археографический... 1997, с. 199–200]. Из воспоминаний сына А. Микояна: «Мой брат Серго рассказывает, что... восприняв смерть Сталина как вселенскую трагедию... он спросил отца: “Что же теперь будет, война?” А отец ответил: “Если уж при нем (Сталине. – М.У.) не случилось войны, то теперь не будет!”» [Микоян, 2006, с. 233].

на конкуренцию с ним в рамках “мирного сосуществования стран с различным общественным строем”. Объектом конкурентной борьбы становится не столько Европа, сколько “третий мир”. Вместе с тем страна *легко идет на локальные обострения* международной обстановки, чтобы защитить свою сферу влияния (Венгрия, 1956 г.), продемонстрировать свою мощь и “поставить на место” Америку (Карибский кризис).

Брежневский период. Советское общество считается не лучшим экономически, *но самым гуманным*. Идея построения коммунизма в обозримой перспективе заменяется идеей совершенствования “развитого социализма”. Преобладает взгляд на себя как на *одну из двух супердержав* биполярного мира. Формируется ориентация на договорное закрепление *status quo* в Европе (Хельсинки, 1975 г.). Конкуренция с Западом за влияние на “третий мир” продолжается. В отличие от хрущевского периода, решения по защите своей сферы влияния *принимаются с трудом* (Чехословакия, 1968; Афганистан, 1979).

Горбачевский период. Предполагается, что советское общество в экономическом отношении *может стать не хуже*, а в социальном и моральном аспектах лучше западных, но только после глубоких реформ в экономике и политике (“Перестройка”). Господствует взгляд на себя как на *вторую по силе супердержаву*. Ставка на конкуренцию с Западом оттесняется на задний план установкой на сотрудничество с ним (концепция “нового мышления”).

Ельцинский период. Преобладает *надежда* на быстрое построение процветающего общества западного типа и на то, что, несмотря на переживаемые трудности, Россия за *заслуги перед мировой цивилизацией* по разрушению коммунизма будет рассматриваться Западом как великая держава, то есть сможет быстро и относительно безболезненно интегрироваться в сообщество великих держав Запада в качестве дружественной/союзнической страны, на равных участвующей в решении проблем мирового масштаба.

Путинский период. Надежда на быстрое построение процветающего общества сменяется пониманием крайней *сложности и длительности процесса достижения этой цели*. В трактовке роли России как *ведущей мировой державы* (в той мере, в какой эту трактовку можно реконструировать по содержанию Концепции внешней политики РФ 2013) *на первое место выходит не влияние в мире, а обеспечение доминирующих позиций России в странах СНГ* (то есть в регионе, непосредственно примыкающем к границам страны) и *защита от влияния Запада на внутривнутриполитическую ситуацию*. Термин “великая держава” исчезает из официального употребления. Активность на глобальном уровне – усилия по обеспечению России позиции *veto player*¹⁶ в международной системе (путем сохранения своего положения в Совете Безопасности ООН, присутствия во всех сколько-нибудь значимых международных структурах и “равноудаленности” от всех главных акторов мировой политики), а также демонстрируемая временами политическая активность за пределами своего региона (Сирия) – вторичны по отношению к региональной и внутривнутриполитической активности и представляют собой либо остаточные проявления великодержавной идеологии, либо результат ситуативного давления тех или иных групп интересов. По сравнению с ельцинским периодом внешнеполитическое поведение и риторика становятся более нервными, агрессивными и грубыми (Грузия, Украина). Это и понятно – *речь идет об обороне “последних рубежей”*¹⁷.

¹⁶ Термин “veto player” понимается здесь в трактовке [Tsebelis, 2002].

¹⁷ Впрочем, по сравнению с временами Брежнева, Хрущева и, тем более, Сталина, эта риторика представляется вполне “голубиной”. Для контраста приведу пару высказываний. Одно из них принадлежит философу Ц. Степаняну и достаточно типична для СССР начала 1950-х гг.: «Американские “ученые”–людоеды предлагают всевозможные проекты и средства уничтожения трудящегося населения на земном шаре» [Степанян, 1950, с. 272]. По-видимому, самым замечательным в этой фразе является то, что слово *ученые* взято в кавычки, а слово *людоеды* – нет. Второе высказывание представляет собой оценку В. Путиным конфликта интересов между Россией и западными членами ВТО: “Наши партнеры – очень интеллигентные люди все, благообразные, хорошо образованные и умеющие красиво говорить и правильно излагать свою позицию. Она всегда звучит очень убедительно, либерально, по-рыночному, но договориться с ними, чтобы они подвинулись хотя бы на миллиметр, невозможно, или в ответ нужно будет, как минимум, полметра наших интересов” [Путин, 2013].

Рассмотрим теперь кратко наилучший и наихудший варианты реальных перспектив России.

Наилучший вариант – региональная держава, сохраняющаяся в нынешних границах и достаточно комфортная для жизни своих граждан. Здесь имеется в виду Россия, ставшая составной частью евроатлантической (“западной”) цивилизации, живущая на основе ценностей, которые выработаны этой цивилизацией и обеспечивают наиболее благоприятные возможности для реализации человеческого потенциала своих сообществ (правовое государство, индивидуальные свободы, неприкосновенность частной собственности, веротерпимость, равенство возможностей и т.д.). Независимо от того, интегрируется Россия в западную цивилизацию или нет, уровень доходов на душу населения в нашей стране в ближайшие 40–50 лет будет, как и сейчас, заметно ниже среднего по Европе и США, но существенно выше, чем в среднем по миру. Не являясь экономическим лидером евроатлантического сообщества, Россия, тем не менее, в некоторых аспектах жизни этого сообщества вполне сможет играть важную роль: как ядерная держава в качестве одного из ключевых элементов системы коллективной безопасности; как участник крупных программ исследований космоса и Мирового океана; как поставщик сырья (значительно более глубокой, чем сейчас, степени переработки); как источник научных и технологических идей (если интеграция в западную цивилизацию позволит замедлить или остановить утечку умов); как пространство для туризма в еще сохранившихся экологически чистых, не уничтоженных промышленностью природных зонах. Кроме того, интеграция с Западом путем открытия инвесторам доступа в ключевые отрасли экономики и на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, ослабит для нас опасность “китайского” и исламского факторов и тем самым повысит шансы сохраниться в нынешних границах.

Наихудший вариант – страна с неопределенным статусом (emerging state), пережившая/переживающая de jure или de facto территориальный распад. В случае, если такой распад произойдет, Дальний Восток и какая-то часть Сибири (прежде всего, Бурятия и Якутия) вероятнее всего окажутся в зоне влияния Китая; мусульманские анклавы (Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан) подпадут под контроль исламского мира; а оставшиеся, преимущественно европейские, регионы страны либо будут находиться в процессе интеграции с объединенной Европой, либо окажутся в изоляции под контролем коррумпированных, полукриминальных (а возможно, и криминальных) режимов, напоминающих современную Венесуэлу или Южную Осетию. Такой вариант и в самом деле катастрофичен для мировой системы и для России. Одна из наиболее острых угроз для мира, которую он с собой несет, связана с тем, что в течение достаточно длительного периода нестабильности, порожденной процессом распада, находящиеся в стране опасные производства и многочисленные военные объекты могут оказаться легкой добычей международных террористов со всеми вытекающими отсюда интуитивно понятными, но плохо прогнозируемыми последствиями. Для России территориальный распад означал бы окончательный крах базовых основ некогда блестящей культуры, которые умудрились до сих пор сохраниться, несмотря на более чем 70-летие советского режима и проблемы постсоветского периода.

Возможно, что носителям великодержавного пафоса достижение/приближение к наилучшему варианту развития событий, покажется целью слишком мелкой и далекой от героизма. С моей же точки зрения, достижение такой цели – дело суперсложное и потому вполне достойное называться великим. Начнем с того, что для этого российской политической элите придется отказаться от привычного самодовольствия (в сочетании с не менее привычной закомплексованностью), научиться трезво смотреть на себя и действовать, исходя из реальных возможностей, не списывая последствия собственных ошибок на происки иностранных спецслужб и козны США. Уже одно это означало бы глубокую и болезненную революцию сознания. Но одной такой революции недостаточно. Помимо нее необходимо будет всерьез

и долго бороться с коррупцией, ставшей сегодня одним из базовых элементов нашей повседневной культуры¹⁸, стараясь снизить долю теневой экономики с нынешних 40–46% ВВП хотя бы до 28% (верхнего предела теневой экономики в развитых странах)¹⁹.

Кроме того, необходимо будет практически с нуля выращивать работающую на основе Закона судебную систему²⁰ и восстановить культуру свободных СМИ. Нужно будет заняться разработкой образовательных программ, помогающих избавиться от глубоко укорененного в массовом сознании авторитарного синдрома (патернализм, социальное иждивенчество, правовой нигилизм, недоверие к коллективным действиям, отсутствие гражданской ответственности и пр.), который является одним из ключевых социально-психологических препятствий какой бы то ни было модернизации²¹. Необходимо будет справиться с предельно опасным для многонациональной страны ростом агрессивного национализма и активизацией радикально националистических группировок (прежде всего, русских и мусульманских)²². Нужно будет преодолеть негативное отношение к Центру (Москве) и региональный сепаратизм, нарастающие в элитах и массовом сознании российских регионов, и на этой основе укрепить слабеющую общую национальную идентичность российского населения²³. Необходимо будет восстановить подорванное за последнее десятилетие доверие к России в странах “ближнего” и “дальнего” зарубежья и т.п.

Набор этих задач крайне сложен. Но системная работа по их реализации представляется мне единственным средством предотвращения наихудшего варианта развития событий – деградации и распада страны. И потому полагаю, что, несмотря на всю тяжесть выбора между “тьмой горьких истин” реальности и “нас возвышающим обманом” политической мифологии, предпочтение следует отдать “горьким истинам” – пока, может быть, еще не совсем поздно.

---

¹⁸ Высокий уровень коррупции в России объясняется не только злокозненностью чиновников, но и тем, что для значительной части “простых граждан” она стала культурной нормой. По данным моего исследования 2004 г., по меньшей мере треть россиян полагала для себя приемлемым “во имя обогащения пойти на воровство и иные нарушения закона” [Урнов, 2005, с. 50]. В опросе ИНДЕМ 2005 г. 55% респондентов заявляли, что взятки – необходимая часть жизни или что с ними “легче делать дела” [Российская... 2013, с. 249]. В исследовании ФОМ 2012 г. доля считающих, что “почти каждый человек будет брать взятки, если ему будут их давать”, составила 50%; доля терпимо относящихся к дающим взятки равнялась 56%, а к берущим взятки – 33% [ФОМ, 2012].

¹⁹ Приведенные оценки масштабов теневой экономики России и других странах см. [Montenegro, Schneider, Buehn, 2010, p. 27–29; Kar, Freitas, 2013, p. 22]. Официальные оценки размеров теневой экономики в России значительно ниже – не более 20% ВВП (см., например, [Суринов, 2010, 2011; Силуанов, 2013]). Однако, принимая во внимание, что, по данным бывшего директора НИИ статистики РОССТАТ В. Симчеры, уровень уклонения от уплаты налогов в России составляет в настоящее время 80% [Симчера, 2011], приведенные западные оценки представляются более соответствующими действительности.

²⁰ О сложностях реализации этой задачи см., например, [Волков... 2012].

²¹ Более или менее подробно об авторитарном синдроме в российском массовом сознании см. [Урнов, 2005; 2011]. Характерное для постсоветского авторитарного синдрома противоречивое отношение к свободе зафиксировано у большей части россиян опросом ФОМ 2013 г.: 57% опрошенных заявили, что “всегда” или “часто” чувствуют себя свободными, 89% сказали, что им “нравятся свободные, самостоятельные, независимые люди”, но при этом 73% утверждали, что для них “стабильность важнее, чем ощущение свободы” [ФОМ, 2014^а].

²² Некоторые данные о росте межнациональной напряженности в России см., например: [Урнов, 2012, с. 84–85].

²³ По данным ФОМ, в 2013 г. доля респондентов, считавших себя “в наибольшей степени” жителем России, составила 35%, против 56%, рассматривающих себя “в наибольшей степени” жителями своего города/поселка/села или своей области/края/республики [ФОМ, 2014^б]. Наиболее сильно выраженная региональная идентичность отмечается на Урале, в Сибири и “в некоторых регионах Дальнего Востока” [Зубаревич, 2013].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альбицкий В., Иванова А., Ильин А., Терлецкая Р. Смертность подростков в Российской Федерации. М. (http://www.rfdeti.ru/files/1284638775_smernostq_podrostkov.pdf).

Археографический ежегодник за 1995 год. РАН, Отделение истории, Археографическая комиссия, Гос. архивная служба РФ. М., 1997.

Вишневецкий А. Сбережение населения или депопуляция России? М., 2010 (<https://www.hse.ru/data/2010/04/07/1218105168/vishnevski.pdf>).

Волков В., Панеях Э., Поздняков М., Титаев К. Как обеспечить независимость судей в России (Серия “Аналитические записки по проблемам правоприменения”, июль 2012) СПб., 2012.

Индикаторы инновационной деятельности: 2013. Статистический сборник. М., 2013 (<http://www.hse.ru/primarydata/ii2013>).

Индикаторы науки: 2013. Статистический сборник. М., 2013 (<http://www.hse.ru/primarydata/in2013>).

Касамара В., Сорокина А. Образы России в дискурсе политической элиты и российских бездомных // ПОЛИС. 2011. № 4.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005 (http://krotov.info/libr_min/11_k/ri/shtanov_05.htm).

Левада (2006) – Опрос “Курьер 2006-4” (http://sophist.hse.ru/db/xml_view.shtml?en=0&HQ=79863&SQ=1556&HSQ=106&IskSl=).

Малкина-Пых И. Психосоматика. М., 2008 (<http://www.fenzin.org/online/24896/2>).

Микоян С.А. Мы – дети войны. Воспоминания военного летчика-испытателя. М., 2006 (http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan_sa/index.html).

Минсоцдрав (2010) – Социально значимые заболевания населения России в 2009. Статистические материалы. М., 2010 (http://www.mednet.ru/images/stories/files/statistika/socialnoznachimie_zabolevaniya/2009/Socialno_znachimie_2010_new.pdf).

Нарышкина А. Отток инвестиций – экспансия и бегство капитала // Экспертный сайт “Открытая экономика” – ОРЕС.ру, 08.02.2013 (<http://ores.ru/1458207.html>).

ОПОРА (2012) – Опрос 6000 предпринимателей из 40 регионов России. (<http://opora.ru/news/opora/61230/>).

Путин В. Выступление на встрече с представителями предпринимательского сообщества в Воронеже. 24.05.2013 (<http://grani.ru/Economy/m.214939.html>).

Росстат ОФ – Основные фонды Росстат (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/#).

Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа. М., 2013.

Российский статистический ежегодник. 2012. Статистический сборник М., 2012 (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078).

Российский статистический ежегодник. 2013. Статистический сборник М., 2013 (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078).

РСПП (2013) – Российский союз промышленников и предпринимателей. Доклад о состоянии делового климата в России в 2012 г. Москва, март 2013 (<http://www.rspp.ru/library/view/46?s=>).

Рязанцев С., Письменная Е. Эмиграция ученых из России: “циркуляция” или “утечка” умов” // Социологические исследования. 2013. № 4 (http://www.isras.ru/files/File/Socis/2013_4/Ryazantsev.pdf).

Силуанов А. Интервью для радио “Эхо Москвы”. 20.06.2013 (<http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/1099412-echo/#element-text>).

Симчера В. Выступление на конференции в Российском государственном торгово-экономическом университете (ноябрь 2011) <http://www.km.ru/v-rossii/2011/11/14/ekonomicheskaya-situatsiya-v-rossii/obnarodovana-shokiryushchaya-pravda-ob-isti>

Скорина Л. Тяжкий труд войны // Новый мир. 1979. № 2.

- Степанян Ц.А. В наш век все дороги ведут к коммунизму // Великая сила идей ленинизма. Сборник статей. М., 1950.
- Суринов А. Деловой завтрак в Российской газете. Обратный отчет // Российская газета. 2011. 31 марта.
- Суринов А. Деловой завтрак в Российской газете. Статистика знает все // Российская газета. 2010. 15 января.
- Урнов М. Роль культуры в демократическом транзите // Общественные науки и современность. 2011. № 6.
- Урнов М. Синдром радикального авторитаризма в российском массовом сознании // Урнов М., Касамава В. Современная Россия: вызовы и ответы. М., 2005.
- Урнов М. Что есть справедливость? // Общественные науки и современность. 2012. № 5.
- Урнов М., Соболев А., Соболева И. Ценностная неоднородность общества как фактор социальной динамики – о чем говорят кросснациональные сопоставления? Препринт WP14/2011/03; НИУ–ВШЭ. М., 2011 (http://www.hse.ru/data/2012/02/29/1265836826/WP14_2011_03_new.pdf).
- ФОМ (2008) – Международное положение России и задачи российской внешней политики. Отчет. 28.08.2008 (<http://bd.fom.ru/report/map/d083422>).
- ФОМ (2012) – Опрос “Пента 11/2012” (http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=3103&T=q).
- ФОМ (2014^a) – Чувство свободы и другие аспекты жизни <http://fom.ru/obshchestvo/11327>.
- ФОМ (2014^b) – Россия и регионы (<http://fom.ru/Politika/11300>).
- Чичкин А. Поизносились // Российская газета. 2011. 5 июля.
- Юревич А. Интервью // Российская газета. 2013. 10 декабря.
- Bloomberg (2012) – Bloomberg Rankings “The World’s Healthiest Countries” (http://images.businessweek.com/bloomberg/pdfs/WORLDS_HEALTHIEST_COUNTRIES.pdf).
- CPI (2013) – Corruption Perception Index 2013. Transparency International (http://www.transparency.org/whatwedo/pub/cpi_2013).
- DALY (2011) – What is Disability Adjusted Life Year (DALY) // Disable World (<http://www.disabled-world.com/definitions/daly.php>).
- Edelman (2013) – Edelman Trust Barometer (<http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/trust-2013/trust-around-the-world/>).
- ESS – European Social Survey (<http://nesstar.ess.nsd.uib.no/webview/>).
- GCB (2013) – Global Corruption Barometer 2013. Transparency International (<http://www.transparency.org/gcb2013/report>).
- GSRAH (2011): Global Status Report on Alcohol and Health 2011.WHO. Geneva (http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/msbgsruprofiles.pdf).
- HFA-DB (2013) – European Health for all Database. WHO Regional Office for Europe 2013 (<http://data.euro.who.int/hfad/b/>).
- IHME (2010) – Institute for Health Metrics and Evaluation. Global Burden of Disease Cause Patterns (<http://www.healthmetricsandevaluation.org/gbd/visualizations/gbd-cause-patterns>).
- Kar D., Freitas S. Russia: Illicit Financial Flows and the Role of the Underground Economy. Global Financial Integrity Report. Washington (D.C.), 2013 February (http://russia.gfintegrity.org/Russia_Illicit_Financial_Flows_and_the_Role_of_the_Underground_Economy-HighRes.pdf).
- Levinson J. Essentials of Psychosomatic Medicine. Arlington, Va: American Psychiatric Publishing (APP), 2007.
- Montenegro, C., Schneider F., Buehn, A. Shadow Economies All Over the World. Policy Research Working Paper 5356. The World Bank. July 2010.
- Mosca G. The Ruling Class. New York–London, 1939 (<https://archive.org/stream/rulingclass031748mbp#page/n0/mode/2up>).
- OECD Factbook (2013): OECD Economic, Environmental and Social Statistics 2013 (http://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-factbook-2013/suicides_factbook-2013-97-en).
- OECDStatExtracts–Complete Database Available via OECD’s iLibrary (<http://92.242.59.41:2225/Index.aspx?DatasetCode=PDYGT#>).

Philbrick K., Rundell J., Netzel P., Levinson J. Clinical Manual of Psychosomatic Medicine: a Guide to Consultation-Liaison Psychiatry. 2-d ed. Arlington, (Va). American Psychiatric Publishing (APP). 2012.

PwC (2014) – PricewaterhouseCoopers. Рост без ускорения. Российский выпуск 17-го Ежегодного опроса руководителей крупнейших компаний мира. 2014 (http://www.pwc.ru/en_RU/ru/ceo-survey/assets/17th-ceo-survey-russia-rus.pdf).

SP WHO (2013) – Suicide Prevention 2013 WHO. – Geneva: WHO Mental Health Publication (http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/country_reports/en/index.html#).

Tsebelis G. Veto Players: How Political Institutions Work. Princeton, 2002.

USCDC (2012) – Centers for Disease Control and Prevention, Health, US (<http://www.cdc.gov/nchs/hus/contents2012.htm#020>).

WB GNI – World Bank GNI per capita, Atlas method (current US\$) (<http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.CD/countries?display=default>).

WB LEB – World Bank: Life expectancy at birth (<http://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?page=6>).

WB S-H – World Bank Statistics – Health (<http://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.PCAP>).

WB S&T – World Bank Science & Technology (индикаторы: SP.POP.SCIE.RD.P6; TX.VAL.TECH.CD; IP.TMK.RESD; SP.POP.TOTL) (<http://data.worldbank.org/indicator/all>).

WDR (2012) – World Drug Report 2012. UN Office on Drug and Crime. New York: UN (<http://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/WDR-2012.html>).

WHS (2012) – World Health Statistics 2012 (http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2012/en/).

WHS (2013) – World Health Statistics 2013 (http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2013/en/).

© М. Урнов, 2014